РОЩА * 2-ОЙ СБОРНИКЪ БЕРЛИНСКИХЪ ПОЭТОВЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО СЛОВО * БЕРЛИНЪ
ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ

Настоящая книга отпечатана въ количествѣ 400 экземпляровъ въ типографіи Energiadruck, Berlin, въ апрѣлѣ 1932 года.

Р О Щ А

ВТОРОЙ СБОРНИКЪ
БЕРЛИНСКИХЪ ПОЭТОВЪ

СЛОВО / БЕРЛИНЪ

Я. БИКЕРМАНЪ

На улицѣ, предъ зеркаломъ витрины,
Стояла женщина. Бездумно, на ходу,
И я взглянулъ въ хрустальную пучину —
И замеръ весь, предчувствуя бѣду.
Былъ ликъ глядящейся такъ некрасивъ,
Такъ вялы складки кожи переспѣлой,
Подъ впалымъ носомъ жирныхъ губъ
извивъ
Такъ подъ кораллъ раскрашенъ неумѣло,
Что страхомъ обуянный ждалъ я: вотъ
Заломитъ руки и тоскливо крикнетъ
И на себѣ одежды разорветъ
И, рухнувши, у ногъ моихъ поникнетъ,
Иль въ зеркало, себя такой увидя,
Короткимъ зонтикомъ съ размаху ткнетъ
И, гнѣвно топнувъ, Бога проклянетъ
Въ неисправимой до смерти обидѣ.
Но дѣловито спрятала она
Подъ шляпку прядь, развившуюся сбоку,

Взглянула вновь, и не нашла упрека,
И улыбнулась зеркалу, ясна,
И прочь пошла. Побѣдно каблуки
По солнечному камню застучали.

Не дай мнѣ, Боже, стать такимъ!
Приму всѣ кары, всѣ печали,
Но не позволь остыть огню
Моей взыскательности дикой;
Пусть ненависть къ себѣ великой,
Ненарушимой сохраню,
Пусть, чуждый тусклаго беззлобья,
Я на себя, на каждый стихъ,
На всѣ созданья рукъ своихъ
Черно взираю исподлобья!

Въ прощальный часъ, въ послѣднiй разъ
Мы улыбаемся и шутимъ.
Трепещущiй безсильно газъ
Не размететъ полночной жути,

Но видимъ мы — и стороной
Идемъ, по прежнему болтая, —
И конскiй трупъ на мостовой
И вкругъ него собачью стаю.

Навстрѣчу намъ за острова
Гудя стремится вѣтръ нечистый,
И одичалая Нева
Рветъ обезлюдѣвшую пристань.

И я тебя оставлю тутъ,
Гнилому вѣтру, клячѣ палой,
Тоскѣ предутреннихъ минутъ,
Невѣ свирѣпо одичалой?

Мы улыбаемся во мракѣ,
Не молвимъ слова про разлуку.
Внезапно — судорожно — такъ
Мою ты прижимаешь руку,

Что сквозь податливую ложь
Одежды тоненькой и бѣдной
Я чую темный жаръ и дрожь
Дѣвичьей плоти заповѣдной.

Теперь молчимъ. Мы никогда
Такъ не сближалися донынѣ.
Вотще! Вотще! Дика вода.
Близка бѣда. И навсегда
Тебя покину.

Прически сходной гладкій мракъ,
На шагъ ея похожій шагъ,
Ея излюбленное слово
Въ непомнящихъ устахъ чужого —
Все, что ея, меня томитъ:
Квадратикъ плана городского,
Въ которомъ домъ ея стоитъ.

РАИСА БЛОХЪ

Tolle, lege.
Бл. Августинъ

Зайди сюда, закрой тихонько двери,
Сядь на диванъ со мною рядомъ, слушай:
Струится ночь надъ сонными домами,
Огромная, бездонная рѣка.

Мой другъ, мой другъ, одна въ насъ зрѣетъ тяжесть,
Одна тоска, какъ рвущееся пламя,
О словѣ, что вовѣки не родится,
О музыкѣ, что хочетъ прозвучать.

Возьми же книгу; пусть чужая мука
Въ знакомомъ, юномъ голосѣ воскреснетъ.
Не книгой ли скитальца Августина
Дитя утѣшило: возьми, читай.

Радость моя, любимый мой!
Черной меня затопило тьмой.
Въ черной пустынѣ одна тону,
Сердце мое идетъ ко дну.

Знáю, далеко, въ твоемъ краю
Тучи летятъ и птицы поютъ.
Только и свѣтитъ сквозь ночь мою
Дальнее солнце, въ твоемъ краю.

Ножъ желѣзный поверни,
Что вонзился въ сердце мнѣ.
Облакамъ меня верни,
Вышинѣ и тишинѣ.

Пусть растаетъ жизнь моя
Съ бѣлой пѣною небесъ.
Пусть навѣкъ исчезну я,
Какъ вчерашній свѣтъ исчезъ.

Смоетъ солнечная мгла
Каждый часъ и каждый мигъ,
Чтобъ и память не нашла,
Чтобъ и голосъ не настигъ.

Какое, должно быть, счастье
Итти по улицамъ влажнымъ,
И каждый камень и каждый
Изъѣденный вѣтромъ домъ
Встрѣчать, узнавать и гладить
Разсѣяннымъ, мягкимъ взглядомъ,
Затѣмъ что и я отсюда,
И все это здѣсь мое.

И слушать глухое пѣнье,
Что сердце мое тревожитъ,
И знать, что оно похоже
На пѣнье сердецъ другихъ,
И знать по очкамъ прохожихъ,
Какія въ нихъ скрыты думы,
Читать по глазамъ угрюмымъ,
Какое въ нихъ слово спитъ.

Принесла случайная молва
Милыя, ненужныя слова:
Лѣтній Садъ, Фонтанка и Нева.

Вы, слова залетныя, куда?
Здѣсь шумятъ чужіе города
И чужая плещется вода.

Васъ не взять, не спрятать, не прогнать.
Надо жить — не надо вспоминать,
Чтобы больно не было опять.

Не итти вѣдь по снѣгу къ рѣкѣ,
Пряча щеки въ пензенскомъ платкѣ,
Рукавица въ маминой рукѣ.

Это было, было и прошло.
Что прошло, то вьюгой замело.
Оттого такъ пусто и свѣтло.

НИНА БРОДСКАЯ

Сомкнулся снова тотъ же странный кругъ,
порочный кругъ, въ которомъ нѣтъ
порока.
Не разомкнуть его. Не выйти вдругъ.
Рукамъ другихъ уже не встрѣтить рукъ
до тайно предназначеннаго срока.

А можетъ быть и срока нѣтъ совсѣмъ:
въ послѣдній разъ въ вѣсахъ поколебалась
и вотъ застыла стрѣлка; и осталась
изъ всѣхъ возможныхъ солнечныхъ
системъ
мнѣ солнцемъ лампа на столѣ постыломъ,
стоявшемъ въ ожиданьи, чтобы силамъ,
растерянно бѣжавшимъ въ даль и въ
кровь,
стать пристанью и средоточьемъ вновь.

Карандаши и кисти и бумага
дразнятъ опять. И трепетъ и отвага,
растраченные до конца въ живой,
горячей суетѣ, вернулись въ строй
и только ждутъ приказа и почина,
чтобъ четко заработала машина,
сгущающая сны въ подобья сновъ.
Задача зрѣетъ. Мой составъ готовъ.

А ужасъ, боль? .. Привычное мученье
такой нестрашною собачьей тѣнью,
чуть чуть рыча, у ногъ моихъ легло.
Дверь затворить. Какъ тихо и свѣтло...

НИКОЛАЙ БѢЛОЦВѢТОВЪ

Съ тѣмъ горьковатымъ и сухимъ,
Тревожащимъ истомой темной,
Что разстилается, какъ дымъ,
Витая надъ моей огромной,
Моей покинутой страной
Съ протяжной пѣсней сиротливой,
Въ сѣдую стужу, въ лютый зной
Перекликаясь съ черной нивой,
Съ тѣмъ, что рыдаетъ, какъ Орфей,
О Эвридикѣ вспоминая,
Съ тѣмъ вѣтромъ родины моей
Лети печаль моя ночная.

Распахнутаго, звѣзднаго алькова
Широкій взмахъ. Какъ призрачно лучи
Расходятся. Какъ мечется свѣчи
Нѣмой языкъ въ тревогѣ безтолковой.

Такого задыханія, такого
Томленія! .. Трещатъ дрова въ печи.
Кривится мѣсяцъ, брошенный въ ночи, —
Пегасомъ оброненная подкова.

Возьмемъ ее на счастье. Можетъ быть,
Когда ее повѣсимъ мы надъ ложемъ, —
Такъ иногда и мертвыхъ мы тревожимъ —

Да, можетъ быть, удастся позабыть
То черное слѣпое средоточье.
И минетъ ночь. И минемъ вмѣстѣ съ
ночью.

А вдругъ подъ музыку? А вдругъ
Подъ воздыханья и рыданья
Псалмовъ Давида, свой недугъ
Неся безъ мукъ и содроганья? . . .

А вдругъ средь купленныхъ подругъ
Въ какомъ нибудь ночномъ притонѣ
Самовлюбленно, какъ Петроній,
Вкушая сладость чуткихъ рукъ,
Случайной Эвники ладоней? . . .

ЭЛЕГІЯ

Все о томъ, что годы, что сребристы
Вечера, что поздно... Все о томъ.
Бьются волны въ грудь твою, какъ въ пристань,
Угрожая штормомъ и дождемъ.

Все о томъ, да, все о томъ, что въ тѣсномъ,
Деревянномъ, черномъ и простомъ...
А потомъ въ огромномъ, неизвѣстномъ,
Молчаливомъ небѣ... Все о томъ.

И о томъ, что ночь томится въ плачѣ,
И о томъ, что звѣзды такъ блѣдны,
И о томъ, что въ мірѣ все иначе,
Что незрячимъ снятся только сны.

Такъ раскрываются лишь Царскія Врата,
Такъ всходитъ чаша золотая,
Такъ неустанно отъ подножія креста
Молитвы отлетаютъ стаей,
Такъ съ пастбища подъ колокольный звонъ
стада
Къ вечерней тянутся прохладѣ,
Такъ съ неба падаетъ звѣзда,
Такъ масло теплится въ лампадѣ,
Такъ изъ святилища твоихъ пѣвучихъ устъ
Звенитъ призывъ запретныхъ далей.
Но разоренный домъ какъ древле слѣпъ
и пустъ,
И вѣренъ призракамъ печали.

МИХАИЛЪ ГОРЛИНЪ

МЕКСИКА МОЕГО ДѢТСТВА

Мексика моего дѣтства, вижу тебя
Съ твоими кактусами, пупырчатыми и длинными, какъ огурцы,
Съ твоими индѣйцами, притаившимися за гущами ліанъ,
Съ твоими всадниками съ головами и безъ головъ,
Со стадами мустанговъ, постоянно мчащихся по степямъ.
Помню, и я скакалъ по твоимъ степямъ во снѣ:
Подо мною убѣгали широта и долгота
Четкими линіями, какъ на географическихъ картахъ.
Враги бросали въ меня не то копья, не то цвѣтные карандаши.

Я скакалъ безъ передышки, обгоняя всѣхъ,
Къ домику съ бѣлыми колоннами, крытому черепицей,
Гдѣ ждала меня прекрасная донья Соль
Съ очень черными волосами и очень красными губами,
Какъ на тѣхъ коробкахъ сигаръ, что курилъ мой отецъ
Или какъ на той, что я увидѣлъ у тебя, мой пріятель Робертъ,
И по которой я вспомнилъ объ этихъ снахъ.

М. Б.

Я самъ себѣ совсѣмъ не вѣрю,
Но птицы поднимаютъ гамъ,
Но ласковые ходятъ звѣри
По комнатѣ, какъ по лугамъ.

Ученый попугай лѣниво
Раскрылъ огромный книжный шкафъ.
Раскланивается учтиво,
Склоняя голову, жирафъ.

Павлинъ расширилъ вѣеръ синій
И застилаетъ потолокъ.
А день все тотъ же: легкій иней
Да солнечный прозрачный токъ.

Все тотъ же городъ различаю
Я въ чисто вымытомъ окнѣ,
И ты мнѣ наливаешь чаю,
Какъ будто это не во снѣ.

НАВОДНЕНІЕ

Огромными, влажными, широкими кусками
Ломилось въ квартиры взбѣсившееся море;
Разбивая шкафы, кровати, посуду,
Валомъ валило, гудѣло, шло.

Вещи рѣшили внезапно, что онѣ рыбы
И кинулись навстрѣчу мутнымъ волнамъ.
Въ путаницу трубъ, этажей и тумановъ
Ураганомъ, смерчомъ билъ столпъ воды.

Бурою грязью оползало небо.
Агитаторы ярились. Биржа упала.
Но уже полицмейстеръ снаряжалъ отрядъ
Для охраны водопроводовъ, дамъ и дѣтей.

Если ты будешь сидѣть совсѣмъ тихо,
Не двигаясь и даже не улыбаясь,
Я разскажу тебѣ о звѣздочетахъ,
О попугаяхъ въ разузоренныхъ халатахъ,
О путешественникахъ и объ обѣдѣ,
О рождественскомъ обѣдѣ изъ старыхъ романовъ,
Гдѣ герой, отъ жара страсти позабывъ про пуддингъ,
Украдкой цѣлуетъ легчайшую руку,
Что голубемъ выпорхнула изъ синяго платья,
И все это проплыветъ передъ нами, качаясь,
И растаетъ въ ласковомъ, ровномъ туманѣ,
Какъ тѣ корабли, нагруженные пряностями и моремъ,
Что порою видишь передъ тѣмъ какъ заснуть.

ЮРІЙ ДЖАНУМОВЪ

Да, да, — себя не обмануть,
Все ясно страшной простотою;
Снижается зловѣще ртуть
И скоро будетъ за чертою.

И скоро снѣгъ пойдетъ иной
И мгла опустится иная . . .
Надъ бурной нѣкогда рѣкой
Безбурность ляжетъ ледяная.

Тогда — остудится вода,
На берегахъ поникнутъ ивы;
Неповторимые года
Не такъ ужъ будутъ тороплива . . .

Скользитъ все ниже, ниже ртуть,
Все ближе, ближе мудрый холодъ
И голову, чтобы уснуть, —
Изъ милосердья клонитъ долу.

Болѣзнь — привалъ. За долгій путь
Соблазнъ устать кому невѣдомъ?
Свалиться съ ногъ, чтобъ отдохнуть,
Зарывшись въ жаръ, забывшись бредомъ.

Болѣзнь — привалъ. Дорога ждетъ,
А ты прилегъ въ травѣ, подъ скатомъ;
Дорожный, грузный тюкъ заботъ
На время снятъ и брошенъ рядомъ.

На солнцепекѣ смотришь въ синь,
Гдѣ облака, какъ гроздь жемчужинъ . . .
Въ лѣнивомъ счастьѣ ты — одинъ,
Тебѣ никто, никто не нуженъ.

Дорога ждетъ, но ты лежи
Съ блаженнымъ ядомъ въ жаркомъ тѣлѣ;
Подъ вечеръ рядомъ, въ желтой ржи
Сверчокъ вдругъ зачинаетъ трели.

Какъ хорошо! Далекій звонъ,
Какъ сельскій благовѣстъ, — не звонче.
Все тише, глуше, дальше онъ
И вотъ, — умолкъ . . . Твой отдыхъ
кончен̂ъ.

Но иногда поетъ сверчокъ,
А онъ все длится, — лучшій вечеръ;
Твой, ставшій легкимъ, узелокъ
Другой беретъ себѣ на плечи.

Тогда тебѣ не нужно словъ
И даже жалости — не нужно...
Перешагнувъ воздушный ровъ,
Въ тѣхъ облакахъ бредешь жемчужныхъ.

О. П. Б.

Пора, пора . . . Разсвѣтъ, какъ булочникъ,
Румянъ и бѣлъ. Едва видны,
Надъ путаницей узкихъ улочекъ
Трепещутъ утренніе сны.

Пора! И вотъ, — смѣясь подковами,
Конь ставитъ честь свою на конъ . . .
Дома давнишними знакомыми
Привѣтствуютъ со всѣхъ сторонъ.

Привѣтъ, привѣтъ! И дальше цокаетъ
Скакунъ по звонкимъ мостовымъ.
Все заповѣдное, далекое
Сегодня стало вдругъ моимъ.

Какъ въ дѣтствѣ полонъ небылицами,
Я сказкой брежу наяву:
Вонъ солнце огненной Жаръ-птицею
Упало въ синюю траву,

Вонъ за полями и за пашнями
Невѣдомый бѣлѣетъ скитъ,
А позади — въ страну вчерашняго
Дорога змѣйкою бѣжитъ.

За пазуху мнѣ вѣтеръ лазаетъ;
Тамъ есть что прятать, что беречь . . .
О, счастіе голубоглазое,
До новыхъ встрѣчъ, до новыхъ встрѣчъ!

ИГОРЬ МИЛЛЕРЪ

ЧАСЫ

Бремя міра гирею повисло,
Появился маятникъ изъ мрака,
И возникли времена и числа,
Стали въ кругъ созвѣздья зодіака,

И луна, и солнце, какъ двѣ стрѣлки,
Заходили, размѣряя время,
По большой, расчерченной тарелкѣ,
На часахъ, воздвигнутыхъ въ Эдемѣ.

Родились изъ глуби сокровенной
День и ночь и заиграли въ прятки
И улыбкой на лицѣ вселенной
Замерцали звѣздныя загадки.

Но безстрастны мудрыя морщины
Неподвижныхъ чиселъ циферблата,
И не видно скрученной пружины
За кругами мѣрнаго возврата.

А. ПАВЛОВИЧЪ

Кончено... Какъ узникъ и слѣпецъ,
Не любя, не зная, не кляня,
Я уснулъ. И сталъ у гроба чтецъ
Отъ грѣховъ отчитывать меня.

Таютъ свѣчи, душный свѣтъ лія;
Холодъ въ тьмѣ завѣшенныхъ зеркалъ...
Плачущій, — утѣшился ли я?
Сытъ ли я, кто жаждалъ и алкалъ?

Чтобъ простить — достаточно забыть,
Чтобъ забыть — достаточно отпѣть, —
Мнѣ ль о насыщеніи молить,
Мнѣ ль объ утѣшеніи скорбѣть?

Слѣпо мечется надъ прахомъ прахъ,
Все растлилъ въ гробу простертый тлѣнъ.
Только мертвому невѣдомъ страхъ
Сумрачныхъ угловъ и гулкихъ стѣнъ;

Только я не встрѣчу тусклый взглядъ
Тѣхъ, чей взоръ испуганъ, тупъ и пустъ;
Только мнѣ не страшенъ трупный ядъ,
Что стоитъ въ углу застывшихъ устъ.

Тѣлу мертвому отравы нѣтъ —
Если мысль не бьется въ немъ, грѣша...
Въ ясномъ небѣ вѣтромъ сдунутъ слѣдъ —
Тамъ моя безсмертная душа.

Да исправится моя молитва.
Какъ кадильный дымъ передъ Тобою!
Мнѣ въ удѣлъ положены судьбою
Не горѣнье, не порывъ, не битва.

Но когда бъ я могъ быть удостоенъ
Воспріятья благости отчизны,
Не узнавъ позора укоризны
Въ томъ, что я за честь ея не воинъ,

Что дано мнѣ только любованье
Пережитой, незабытой былью,
Въ скорбный часъ не занесенной пылью
Суеты, утратъ и разставанья...

Родина. Волнующее слово...
Даръ твой щедръ. Ты всѣмъ даешь участье
Въ имени твоемъ. И много счастья
Всѣмъ въ твоихъ обителяхъ готово.

И такъ близко трепетное имя
Всѣмъ рожденнымъ подъ твоимъ
покровомъ,
Всѣмъ, чей крестъ на ихъ пути суровомъ
Освященъ страданьями твоими!

И не чуждо милое названье
Праздным, слабым, тѣм, кто съ
умиленьем,
Дорожитъ твоимъ благоволеньемъ
На свое, земное ликованье.

Давъ и мнѣ однажды преклониться
Предъ твоимъ величіемъ и силой,
Дай приблизить къ сердцу все, что было,
Все, чему предрѣшено случиться.

Дай увидѣть неба слитокъ синій
Словно ратниковъ небесныхъ латы;
И входить, какъ въ Божія палаты,
Въ ворота лѣсныхъ тѣнистыхъ скиній;

И затеплить трепетъ безыскусный
Совершенья праведнаго дѣла
Въ полутьмѣ церковнаго придѣла
У огня свѣчи сорокоустной.

Не горѣнье, не порывъ, не битва
Мнѣ въ удѣлъ положены судьбою.
Какъ кадильный дымъ передъ Тобою
Да исправится моя молитва.

ВЛ. ПIОТРОВСКIЙ

Дождь сѣчетъ. Фонтанъ кирпичный
Мутно газомъ освѣщенъ.
Тьма и шорохъ. Мiръ обычный
Чѣмъ то тронутъ и смущенъ.

То ли выплески канала
Заглушаютъ шумъ дождя,
То ль душа моя, бродя,
Поскользнулась и упала?

И, прильнувъ къ землѣ холодной,
Сквозь асфальтовый покровъ
Различаетъ многоводный
Плавный токъ иныхъ мiровъ?

Только отдыхъ и молчанье,
Шелестъ вѣтра на столбахъ.
Только времени журчанье
Въ водосточныхъ желобахъ.

Отсырѣла папироса,
Липнутъ волосы къ виску — —
Городскую площадь косо,
Не спѣша, пересѣку.

Обойду кварталъ туманный,
Скрытый жаръ превозмогу.
Дома, гость непостоянный,
Скучной лампы не зажгу.

Иду по набережной черной
Въ закрытомъ наглухо пальто,
Слѣжу за тѣнью безпризорной
И думаю, — не то, не то — —

Когда въ стволѣ, сухомъ и жесткомъ,
Взыграетъ соками весна,
И надъ широкимъ перекресткомъ
Взойдетъ широкая луна, —

Когда на насыпи дорожной
Завьется первая трава,
И вѣтеръ, въ радости тревожной,
Освищетъ старыя права, —

Не выдержу, въ ночную глотку
Швырну ключи отъ всѣхъ дверей
И жизнь, какъ парусную лодку,
Пущу гулять безъ якорей.

Пускай случится, что случится,
Пусть совершится въ полъ-часа
Все, что какъ воръ давно стучится
Въ мои ночные голоса.

ПОСЛѢДНЯЯ ОТРАДА

Заря уже надъ кровлями взошла.
Пора. Пестритъ узорами страница,
И синева усталости ложится
На влажный блескъ оконнаго стекла.

Но жаль уснуть. Смущенная душа
Такъ непривычно вдругъ помолодѣла,
Такъ просто рифма легкая задѣла
Медлительный клинокъ карандаша.

Я не творю. Съ улыбкой, въ полуснѣ
Набрасываю на бумагу строки,
И свѣжій вѣтеръ трогаетъ мнѣ щеки
Сквозь занавѣсъ, раздутый на окнѣ.

Какъ я люблю непрочный этотъ часъ
Полусознанія, полудремоты, —
Какъ пустъ мой домъ, какъ дружелюбно кто-то
Касается моихъ усталыхъ глазъ — —

О, это ты, послѣдняя отрада —
Въ квадратномъ небѣ зрѣетъ синева,
Чуть-чуть шуршитъ незримая листва,
И никого, и никого не надо — —

СОФІЯ ПРЕГЕЛЬ

Вошла задумчиво, нежданно
Въ тревожный утра холодокъ,
И вотъ опять цвѣтутъ каштаны,
Корабль зимы отправленъ въ докъ.

Улыбка въ сердцѣ и въ петлицѣ,
Блаженство выше каланчи.
Въ садахъ и скверахъ блѣднолицыхъ
Играютъ дѣти и грачи.

И каждый возгласъ опрометчивъ,
И не порвать случайныхъ узъ . . .
И даже маленькій газетчикъ
Смѣнилъ шапченку на картузъ.

Городъ маленькій, марципановый
Сквозь рождественскія очки.
Синевою омыты наново
Переулки и тупики.

Хорошо, осознавъ ничтожество,
Усмирить свой цыганскій духъ.
Здѣсь такое странное множество
Стариковъ и смѣшныхъ старухъ,

Что путями проходятъ давними —
Здѣсь дороги наперечетъ.
Въ бѣломъ домѣ съ желтыми ставнями
Малой струйкой жизнь потечетъ.

Буду жить, тоски не вынашивать,
Потеряю къ прошлому слѣдъ.
Въ полдень, сонная, стану спрашивать:
Что сегодня на обѣдъ?

Деревьевъ рыжую кайму,
Полуразмытыя тропинки,
Веселый воздухъ, паутинки,
Тебя, безрукій богъ амуръ,

Я не забуду . . . Мнѣ дано,
Мнѣ въ этомъ мірѣ довелося
Послѣднее испить вино,
Прощальную привѣтить осень.

Пѣвучій многоцвѣтный говоръ,
Домовъ коричневыя стопки,
Въ дверяхъ усатый, смуглый поваръ,
Надъ крышею дымокъ похлебки.

Здѣсь, на послѣдней остановкѣ,
Все было: море, портъ и скалы;
Бѣлье качалось на веревкѣ
За переулочнымъ оскаломъ.

И разсыпался смѣхъ гортанный,
И синева не убывала,
И даже голые платаны
Цвѣли надеждой небывалой.

Еще высокая трава
Хранила слѣдъ небесной влаги,
Еще не высохли слова
На разлинованной бумагѣ.

Деревья руки простирали,
И голосъ утра былъ высокъ.
Въ незатихающемъ мистралѣ
Кружились волны и песокъ.

Все притаилось и затихло,
Грядущимъ жаромъ сожжено,
И было слышно, какъ на дно,
На душу, вспаханную рыхло,
Дневное падало зерно.

ЕВГЕНІЙ РАИЧЪ

Я прошелъ по многимъ странамъ.
За годами шли года,
И вставали за туманомъ
Мнѣ чужіе города.

За оградой башенъ гулкихъ
Былъ какъ замокъ каждый домъ;
Пахло въ узкихъ переулкахъ
Свѣжимъ хлѣбомъ и виномъ.

Проходилъ съ своей котомкой,
Глядя въ окна на уютъ
Низкихъ комнатъ, гдѣ потомки
Жизнью прадѣдовъ живутъ.

И подъ каждый сводъ трактирный
Я входилъ, какъ блудный сынъ,
Что подъ кровъ отцовскій мирный
Возвращается одинъ.

У другихъ — жена и дѣти;
Какъ спокойны ихъ глаза!
— Раскачай же сосны, вѣтеръ!
Заглуши тоску, гроза!

Правъ анархистъ. Въ карманѣ кулаки
Сжимаются въ неистребимомъ гнѣвѣ;
— Какого взрыва стоитъ этотъ міръ,
Спѣшащій къ смерти, какъ карета Плеве.

И Гете правъ. Какъ буйный ледоходъ
Пройдетъ мятежъ. Тѣмъ лучше, чѣмъ
скорѣе.
Трактиръ отцовскій Германъ перейметъ,
Не оскудѣетъ чрево Доротеи.

Савонаролы правъ тяжелый гнѣвъ:
Кто можетъ, пусть вмѣститъ. И только
тотъ
Небеснаго достоинъ королевства.
Правъ Донъ-Жуанъ, который столькихъ
дѣвъ
Освободилъ отъ тягостнаго дѣвства.

Такъ много правдъ столпилось на землѣ,
Что ни одна изъ нихъ уже не мучитъ;
Безсонница унылая во мглѣ
Презрѣнію и равнодушью учитъ.

Одни глупцы гоняются упрямо
За истиной, невѣдомой другимъ:
Всѣ истины веселою рекламой
Расклеены по стѣнамъ городскимъ.

Но вдумайся, и оцѣни, и все жъ —
Въ разноголосицѣ враждующихъ нарѣчій
Ты музыку услышишь, — и поймешь,
Что въ этомъ мірѣ нѣтъ противорѣчій.

БРЕТАНЬ

Ржаныхъ полей и Сѣвернаго моря
Скалистая и узкая межа.
Здѣсь я живу, не сѣтуя, не споря,
Но съ каждымъ днемъ все зорче сторожа
Набѣги вѣтра и часы прилива,
И дальніе считая паруса.

Подъ свѣтлою косой ложится нива.
Ржаныхъ сноповъ сбѣгаетъ полоса
Къ заливу, гдѣ въ пескѣ, межъ валунами
Морская разстилается трава,
Гдѣ спятъ медузы, словно кружева,
Качаемыя теплыми волнами.

На отмели, лучами раскаленной,
Приливъ смываетъ мой недавній слѣдъ.
Такъ вѣтеръ съ моря, нѣжный и соленый,
Въ душѣ стираетъ память страшныхъ
лѣтъ.

НИКОЛАЙ ЭЛЬЯШОВЪ

Поговоримъ о рифмахъ и стихахъ —
Мнѣ любы полуночныя бесѣды,
Когда сѣрѣетъ папиросный прахъ
Въ подрагивающей рукѣ сосѣда.

Не гаснетъ электрическій ночникъ.
Стучатъ часы. Летитъ и таетъ время.
Воспоминанье, мудрый ученикъ,
Грузитъ цитатъ нетягостное бремя.

Вдали звенитъ трамвай. Въ мое окно
Струится вѣтеръ, свѣтлый и нежданный.
Раздумія прохладное вино
Мы цѣдимъ сквозь табачные туманы.

И въ тишинѣ предутреннихъ минутъ
Подъ небомъ мутнымъ, надъ асфальтомъ сѣрымъ
На корабляхъ невидимыхъ плывутъ
Ликующіе строфы и размѣры.

FEHRBELLINER PLATZ

Тоска моя, привычная тоска,
Сегодня ты яснѣй и безглагольнѣй,
Какъ эти розовыя облака
Надъ куполомъ зеленымъ колокольни.

Отъ хлесткихъ солнечныхъ лучей намокъ
Покровъ багровый черепичной крыши,
Надъ крематоріемъ сухой дымокъ
Напоминаетъ о простомъ затишьи.

И каждый мигъ завѣтнѣй, чѣмъ всегда,
И каждый часъ безмѣрнѣй и дороже,
А подъ землей несутся поѣзда,
Колебля тротуаръ незримой дрожью.

Листва деревъ, прохладна и легка,
Колышется въ разсѣянномъ привѣтѣ.
О, жизнь моя — асфальтъ и облака,
Дрожанье мостовой и свѣтлый вѣтеръ!

ВИКТОРІЯ ЭРДЕНЪ

Что за нищіе домишки!
Если-бъ вмѣстѣ съ сердцемъ выросла рука.
Я погладила-бы нѣжно ихъ по крышамъ.

Отъ земли ихъ подняла-бъ до высока,
До чудеснаго, до чистаго червонца,
Нанизала-бы на длинныхъ два шнурка
И надѣла бусами на солнце.

Горе, горе, что за нищіе домишки!
На веснѣ нарядной жалкія заплаты!
Я заплачу, какъ надъ сказкою когда-то,
Тихо щеку положа на крыши.

День прошелъ и сгинулъ.
Топнулъ вечеръ ножкою, —
Въ небѣ всѣ витрины
Убрались сережками.

Подрасти-бы малость,
Ближе стать немножко, —
Носомъ-бы прижалась,
Глянула въ окошко.

Мѣсяцъ локтемъ двинула-бъ,
Чтобъ не видѣлъ лишняго.
За оконце пышное
Руку перекинула-бъ.

Если-бъ да немножко . . .
Если-бъ доля выпала . . .
По землѣ-бъ разсыпала
Звѣздами сережки.

Ива макушкой поникла мнѣ на грудь,
Раскидала въ жалобѣ косички.
Я хотѣла-бъ говорить къ ней вешней
птичкой,
Я хотѣла-бъ ей весеннимъ вѣтромъ быть.

Ива, дерево-плакунья, какъ-нибудь,
Какъ-нибудь мы распрощаемся съ землею,
И, отплакавъ, понесемся въ дальній путь,
Вольный путь, поросшій буйной
трынъ-травою.

Встрѣтить насъ четыре стороны придутъ,
Ширью-далью будутъ кланяться намъ въ
поясъ . . .
Выйдетъ солнце все въ лучахъ на насъ
взглянуть,
Насъ просить въ свои пурпурные покои . . .

Ива, дерево-горюнья,какъ-нибудь,
Примиримся какъ-нибудь пока съ землею.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЛОВО